

— Понял, господин.

Цзиньён шагнул ближе к столу, мысленно уже составляя длинный список дел, которые нужно было уладить перед возвращением в Десять Тысяч Великих Гор.

— Что ж, — произнёс Чэ Халянь, не поднимая глаз от письма, —
твоё любопытство удовлетворено?

Цзиньён замер на полушаге, ошеломлённый.

Голос господина звучал спокойно, но в нём пряталось тонкое, холодное напряжение, заставившее спину невольно выпрямиться.

— Н-нет, господин, — пробормотал он.

Он надеялся уйти незаметно, не подозревая, что его раскроют так быстро.

Но теперь, когда Чэ Халянь уже понял, где он был, скрывать что-либо не имело смысла.

— Значит, твоя маленькая вылазка оказалась бесполезной.

— Не совсем, — осторожно ответил Цзиньён. — Я понял, что наш гость совсем не такой, каким я себе его представлял.

— «Не такой, каким ты ожидал», — да?

Халянь едва заметно улыбнулся — бледно, безжизненно.

Губы смягчились, но глаза остались неподвижными.

В их глубине таилось что-то неразгаданное — смесь далёкой грусти и холодного, почти бездонного подозрения.

Что бы это ни было, Цзиньён не мог и надеяться его постичь.

Он достал несколько бамбуковых свитков — документы, требующие подписи господина, — и аккуратно разложил их на столе.

Халянь даже не взглянул.

Продолжал писать, движения кисти были уверенными, размеренными.

Цзиньён уже собрался отойти, но взгляд зацепился за последние штрихи внизу письма — подпись: Бэжянь Цзиньин.

Он знал это имя.

— Вы... и вправду отправите письмо в Куньлунь? — спросил он после короткой паузы.

Мнение о подозрительном госте он не изменил — тот, по его мнению, должен был исчезнуть из жизни господина.

Но сейчас беспокоило не это.

Беспокоил сам Чэ Халянь.

В тот день, когда господин нашёл юношу по имени Мун Егёль без сознания у подножия горы Куньлунь, он лично поднял его на руки и отвёз в поместье в Цинхае.

Обычно Чэ Халянь презирал врачей, но тогда он вызвал сразу нескольких, чтобы спасти незнакомца.

Он не отходил от его ложа ни на час, забыв и о еде, и о сне — пока юноша наконец не открыл глаза.

Даже Цзиньён, служивший дольше всех, никогда не видел господина таким.

Так привязанным к чужой жизни, так потрясённым самим фактом её хрупкости.

Это было тревожно.

Совершенно не похоже на него — человека, который никогда не держался за чудеса, когда надежды не было.

Огонь, горящий в воде — вот что это напоминало.

Чэ Халянь был огнём, а Егёль — мокрым куском дерева, который не должен был вспыхнуть вовсе.

Цзиньён боялся — без всякой логики, но всё же боялся: если бы тот юноша умер, господин, возможно, просто перекусил бы себе язык, чтобы не крикнуть.

Это было безумно, но именно таким отчаянным он тогда показался.

И теперь, когда юноша выздоровел, он вдруг решил отправить его обратно в Куньлунь?

После всего увиденного — это казалось невозможным.

Впервые с момента, как Цзиньён вошёл в комнату, кисть господина остановилась.

Харян положил её на подставку.

— Для младшего брата, — тихо сказал он, — нет лучшего пристанища, чем Куньлунь.

По спине Цзиньёна пробежал холодок.

У Чэ Халяня было много врагов, но ни один не был для него страшнее самого Куньлуня — той горы, что больше никогда не откроет ему путь.

— Я мог убивать живых, — произнес он, глядя в окно, — но даже я не в силах сразить мёртвых.

Он никогда больше не ступит на ту святую землю.

Он поклялся — на душах павших — что не вернётся.

Каждый год, когда приближалась годовщина Кровавого Несчастья,

он стоял вдали, наблюдая, как облака клубятся вокруг вершины, словно призраки, но так и не поднимался.

Ни при жизни, ни после смерти его плоть и прах не коснутся земли Куньлуня.

— Передай это Самран, — сказал он, протягивая письмо.

Цзиньён взял свиток, глядя на него с тяжёлым сомнением.

Он знал — переубедить господина невозможно.

Но всё равно не мог отделаться от мысли: Правильный ли это выбор?

Вылечить человека с такой нежностью, только затем, чтобы отправить его прочь «ради его же безопасности» — это было жестче любой кары.

И всё же Цзиньён низко поклонился:

— Как прикажете, господин.

— Ах, и ещё одно, — произнёс Чэ Халянь.

Цзиньён поднял взгляд.

— Оставь это здесь.

Он проследил за направлением его взгляда — к цветочному горшку, который всё ещё держал в руках.

Осторожно поставив его на край стола, он снова поклонился и вышел.

Когда дверь закрылась, Чэ Халянь развернул бамбуковые свитки, на лице — пустота, будто он никогда в жизни не писал ни одного письма.

Время текло медленно.

Тень от подставки для кистей медленно пересекла его руку.

Наконец он собрал свитки в стопку и отложил их.

Приближался час принести Егёлю еду — и лекарство вместе с ней.

Поднимаясь со стула, он невольно посмотрел на цветочный горшок.

Немного помедлив, протянул руку и кончиком пальца коснулся смятого листа.

А потом — словно опомнившись, будто обжёгся, — резко отдернул руку и вышел из комнаты.

К вечеру Чэ Халянь появился, как всегда, с мягкой, спокойной улыбкой.

— Я видел, как Цзиньён возвращался с цветочным горшком, — заметил он. — Ты случайно не сталкивался с ним?

— А, — Егёль опустил взгляд, пойманный врасплох посреди трапезы.

Значит, Цзиньён не донёс.

Но он и не ожидал, что тот будет так заметно носиться с этой травой.

Идиот.

Егёль мысленно цокнул языком и начал заранее заготовленную отговорку:

— Вы сказали мне не выходить днём, но я немного заскучал, так что просто прошёлся по саду. И вдруг наткнулся на кого-то из людей вашей торговой компании — он меня напугал.

— И тогда ты вырвал из земли растение с корнем, — спокойно заметил Чэ Халянь.

Тон у него был ровный, но под ним проскальзывало нечто — едва уловимое дрожание, то ли от сдержанного смеха, то ли от усталости.

Егёль не понял — раздражение это или забава.

— Я просто не хотел, чтобы он рассказал вам, что видел меня снаружи, —

быстро добавил он. — Так что схватил первое, что попало под руку, и протянул ему в подарок.

— У моего младшего брата, оказывается, тонкий вкус, — мягко произнёс Халянь. — То было цветок из западных земель.

На губах его мелькнула тень улыбки.

Егёль застыл.

Он только что понял, что украл редкое декоративное растение и всучил его чужаку как взятку за молчание.

— Я... я сейчас же верну его! — Он вскочил, но рука Халяня мягко перехватила его запястье.

— Не нужно.

— Но цветок...

— Всё в порядке, — повторил Халянь тихо. — Что из моего имущества я мог бы пожалеть для тебя?

Голос его был слишком нежен — почти болезненно.

— К тому же, — добавил он, — даже если бы ты решил вернуть, знал бы ты, где искать этого человека?

Найти его?

В том, как он произнёс это, было что-то особенное.

Егёль понял: при следующей встрече с тем мужчиной стоит быть повежливее.

— Эм... нет, не знал бы, — признался он.

Разумеется, не знал.

Его мир ограничивался этой комнатой и садом за окном.

Он даже не думал уходить дальше от Халяня.

Когда Егёль снова сел, взгляд старшего брата смягчился — едва заметно, но всё же ощутимо.

— Почему ты так напряжён? — спросил он после паузы.

Егёль закатил глаза, а потом фыркнул:

— Я думал, вы будете ругать меня.

— За что?

— За то, что снял повязки, бродил днём и раздал дорогие вещи без разрешения.

— Сегодня небо было затянуто облаками, — спокойно ответил Халянь. — Ты не мог повредить глаза. А что до прогулки — прости, что оставил тебя одного так надолго, что тебе стало скучно. А цветы... цветы можно посадить снова.

Ни малейшего сожаления на лице.

Когда-то, как мастер боевых искусств, Чэ Халянь считался непревзойдённым — предводитель собрания «Юных Драконов и Тигров».

Теперь, как торговец, он источал ту же тихую, непоколебимую власть.

Но больше всего Егёля поражало другое: та далёкая, недостижимая теплота, которую он когда-то почитал издали, теперь принадлежала только ему.

Это казалось нереальным — словно ему действительно подарили вторую жизнь.

— Потерпи ещё немного, — сказал Халянь. — Как только ты вернёшься в Куньлунь, сможешь гулять, где захочешь.

Проклятый Куньлунь.

Егёль готов был собственными руками придушить себя — того, прежнего,

который когда-то с восторгом говорил, что не может дождаться возвращения туда вместе со старшим братом.

Всё это — вина его прошлой жизни.

Тогда он верил: если над облачным морем, окутывающим пики Куньлуны, и правда парят драконы, то один из них непременно — Чэ Халянь.

Он отдал жизнь за этот далёкий, недостижимый идеал.

И лишь переродившись, понял — Чэ Халянь не бог.

Он всего лишь человек.

До боли, до трагизма — человеческий.

Если бы только я мог найти причину... весомую причину, чтобы он оставил меня рядом.

Но все предлоги, приходившие в голову, были слишком жалкими —

скользили сквозь пальцы, как вода.

Может, он просто слишком тревожился, чтобы думать ясно.

А если притвориться, что мне плохо от высоты?

Не хотелось снова тревожить его ложной болезнью.

Но если не заставить его хоть немного волноваться — его собственная жизнь будет действительно похожа на огонёк свечи, колеблющийся под ветром.

Лучше пусть волнуется, чем я и вправду умру, верно?..

И в этот момент Чэ Халянь наконец заговорил снова:

— Есть кое-что, что я должен тебе сказать.

Егёль инстинктивно выпрямился.

Он чувствовал — сейчас прозвучит нечто важное.

Его взгляд оставался твёрдым: я готов.

И всё же Халянь помедлил.

Когда он заговорил, голос звучал спокойно — но слова ударили, как гром:

— Ты сказал, что помнишь немногое после резни в Куньлуне.

Егёль молча кивнул.

— Егёль, — произнёс Халянь, глядя прямо в него, — с тех пор прошло двадцать лет.

<http://bllate.org/book/12382/1104353>